

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

ДОРОГА В БУДУЩЕЕ*

В рецензируемой книге представлены основные концепции творчества и одаренности, которые были выдвинуты и разрабатывались в последние десятилетия нашего века и внесли свой оригинальный вклад в исследование названных областей. Перед читателем предстает широкая панорама, живая картина современного состояния психологии творчества и одаренности: достижения и поиски, ответы и вопросы, отход от традиционных парадигм – и становление новых подходов и стратегий, несущих новые возможности и перспективы.

Перед ответственным редактором стояли немалые трудности. С одной стороны, каждая концепция – особенно и внутренне последовательна, с другой, все они, именно благодаря своей особенности, – звенья и этапы процесса, имеющего свою внутреннюю логику, которая откладывается в теоретической структуризации проблем. Требовалось так “совместить” историю и логику, чтобы они взаимно “помогали” друг другу.

Эта задача была успешно решена. “Каждая концепция самодостаточна и убедительна в своей логике, и с этой точки зрения друг друга они исключают” (с. 8). Да, но только тогда, когда берутся сами по себе, вне общего русла исследовательских поисков. Помещенные же в этот живой контекст, они обнаруживают свою взаимозависимость и взаимодополняемость, вступают в диалог друг с другом, “спрашивают” и “отвечают”, – и в результате как из кусочков мозаики складывается целостная логика развития поставленных проблем.

Поэтому книга не просто информирует о существующих концепциях: она не “сумма статей”, не “сборник”. Глубоко продуманный отбор и расположение материала дают эффект приращения научно-содержательной ценности, что позволяет рассматривать ее как имеющую определенное самостоятельное научное значение.

Существенные различия исследовательских подходов, интересов и задач не мешают общности взглядов авторов по ряду принципиальных позиций. Это относится прежде всего к пониманию исторической актуальности и социальной значимости творчества и одаренности. “Значение ин-

теллектуальной одаренности для развития человеческой цивилизации возрастает с каждым десятилетием. Конец XX века стал началом новой эпохи – эпохи информационной цивилизации” (В.Н. Дружинин, с. 161). И подобно тому как в свое время общественным требованием к развивающейся психике ребенка было “овладение навыком чтения”, – так в наше время “нечто подобное происходит с психологической функцией творчества: оно перестает быть уделом единиц” (Р. Стернберг, Е. Григоренко, с. 187). Пафос статьи Э. де Боно – в утверждении назревшей необходимости самого широкого вовлечения творческого потенциала людей в современную деловую и общественную жизнь. “Когда технология, информация и компетентность являются товаром, самым важным становится творчество” (Э. де Боно, с. 90). Творчество сегодня – не “что-то отдаленное”, не излишество и не экзотика, оно – то, чего требует дух времени, дух наступающих и грядущих перемены, оно – “дорога в будущее” (с. 94).

Итак, современное общество нуждается в творчестве. Но что именно нужно обществу от него? Что творчески мыслящие и действующие люди способны и должны дать ему? Иначе говоря, каково реальное содержание социального “заказа”?

Авторы отвечают на этот вопрос уже самой тематикой исследований, содержанием поставленных в них теоретических и экспериментальных задач, направленностью разрабатываемых на их основе образовательных стратегий и программ, конкретных практических рекомендаций. Суть ответа в том, что творчество, которое востребовано обществом, не укладывается в рамки тестовых показателей интеллекта и креативности. Обществу от творчества нужно нечто большее, а именно: формируемое и реализуемое им отношение к жизни.

Конечно, рост интереса к творчеству связан с возрастающим динамизмом общественного развития, ускорением темпов технологического прогресса, в условиях которого от человека “все больше и больше ожидается” “умение придумывать и создавать”. Но есть и другой круг требований, он касается заключенных в творчестве возможностей личностной самореализации. Проблема творчества и одаренности оборачивается проблемой личности, готовой принять “вызов времени” и ответить на него, способной не только творить, но и отвечать за творимое.

* Рец. на кн.: “Основные современные концепции творчества и одаренности”. М., 1997. Отв. редактор Д.Б. Богоявленская.

Соответственно смещается центр тяжести исследовательских интересов: от фиксации формальных (абстрактно-общих) и количественных характеристик креативности и одаренности – к изучению их индивидуально-личностных предпосылок и проявлений; от рассмотрения творчества в рамках отдельных задач и ситуаций – к пониманию его как специфической характеристики человеческого мироотношения.

Такое переакцентирование проблемы намечалось в последние десятилетия внутри различных подходов и направлений, постепенно становясь все более отчетливым. Представленный в книге научный материал позволяет выделить характерные тенденции, в русле которых творчество все больше “сближалось” с человеком в статусе субъекта, личности, индивидуальности. Отметим некоторые из них: от феноменологии (фиксации проявлений) творчества – к раскрытию его внутренних механизмов, сущностных черт; от статического подхода – к динамическому (“диагностике развития”); от натуралистической парадигмы – к социокультурной; от рассмотрения отдельных факторов и их суммы – к целостному подходу, раскрытию многоплановости и многомерности изучаемых феноменов. В общем и целом отмеченные тенденции означают движение по пути преодоления описательности, механистичности, натурализма и односторонности.

В отечественной психологии это движение обрело свою общеметодологическую основу в становлении и конкретной разработке субъектного подхода (школа С.Л. Рубинштейна, его учеников и последователей). Вернее, последний вобрал в себя названные тенденции, синтезировав их в формулировке своих основных принципов. “Гуманистическая трактовка человека как субъекта помогает целостно, системно раскрыть его специфическую активность во всех видах взаимодействия с миром” (А.В. Брушлинский, с. 43).

Субъективный подход дает ключ к решению проблемы соотношения творчества и культуры – одной из самых сложных в психологии творчества. Ее острота фокусируется в вопросе об источнике творческой самоактивности человека: находится ли этот источник в пределах социокультурной обусловленности человеческого бытия или за ее пределами. Проблема отражает реальное противоречие, двойственность человеческого бытия в социокультурном мире: человек в нем и субъект и объект, и творец и продукт его воздействий. В книге представлены два подхода к ее решению. Согласно одному из них, “способность к творчеству принципиально невыводима из освоения соответствующего вида деятельности или даже наличной культуры в целом” (А.А. Мелик-Пашаев, с. 349), – ибо освоение не идет дальше существующего, остается в границах уже до-

стигнутого, тогда как творчество идет дальше, выходит за эти границы. Откуда берется энергия для этого “дальше” и “выхода за”? “Тут необходимо допустить существование источника, запредельного (трансцендентного) по отношению к наличной действительности и связанного с потенциалом человека-творца” (там же).

Иное решение опирается на главный принцип субъектного подхода – действие внешних причин через внутренние условия. Качество субъектности – не “чистая самоактивность”, оно имеет свое психологическое наполнение, психологическое обеспечение. Поэтому индивид вступает в процесс социализации не как “пустой сосуд”, а как обладающий определенным психологическим потенциалом, который в процессе взаимодействия с внешним миром обогащается и преобразуется, выступая основой возрастающей самоактивности субъекта. То есть в самом процессе освоения (обучения, воспитания, образования), а не за его пределами, – в силу опосредствованности его “внутренними условиями”, – складываются и накапливаются возможности выхода за границы освоенного; в этом процессе развиваются все специфически человеческие способности, – здесь рождается энергия, питающая таинственную “способность к творчеству”.

За признанием субъективности исходным качеством человека стоит философско-мировоззренческая позиция, противостоящая таким направлениям мысли, согласно которым человеку суждено лишь осваивать наработанное культурой, включаться в ее самодвижение. Но развитие происходит как раз “на стороне индивида”. Принцип “внешнее через внутреннее” позволяет удерживать и качество субъективности, и социокультурную природу этого качества на пути понимания освоения (обучения, воспитания, образования) как со-творчества (А.В. Брушлинский, с. 43).

В исследовании индивидуального психического развития названный принцип реализуется через возрастной подход, выявляющий своеобразие внутренних предпосылок на каждой возрастной ступени (статьи Н.С. Лейтеса, О.М. Дьяченко, В.С. Юркевич). Психика ребенка с годами претерпевает качественные изменения, обусловленные сменой сензитивных периодов, меняющимся взаимодействием генотипических и возрастных факторов. “В результате каждую возрастную ступень отличает особая, не свойственная ни предыдущим, ни последующим возрастам, готовность к развитию” (Н.С. Лейтес, с. 60). Детская одаренность – это адекватная полноценная реализация возрастной “готовности к развитию”. Такой подход позволяет преодолеть односторонние оценки детской одаренности, понять и ее условность (связь с переходящими возрастными воз-

можностями), и ее особенный вклад в общее психическое развитие.

О.М. Дьяченко связывает развитие и характерные проявления умственной одаренности дошкольников с формированием “собственной субъективности” как способности к самостоятельной активности. Отсюда развивающий эффект “специфически дошкольных видов деятельности (игра, продуктивные виды деятельности), в которых ребенок может реализовать свои возможности как субъект” (с. 68). С этой точки зрения, главное в процессе освоения ребенком социокультурных средств – “возможность выхода в субъективную позицию, когда он не просто заучивает заданное взрослым, а сам, исходя из собственных потребностей, строит новые формы взаимодействия с реальностью” (с. 69–70).

Становление субъектной позиции выступает стержнем (и вектором) развития психологического потенциала.

Различение “наивной” и “культурной” креативности (В.С. Юркевич) убедительно показывает зависимость креативности от характера внутренних предпосылок и вместе с тем затрагивает проблему соотношения творчества и культуры в аспекте противоречия между нормативной функцией культуры и творчеством как “преодолением стереотипов”. Детская креативность обусловлена необремененностью социокультурным опытом; она свободно фонтанирует потому, что ей пока нечего преодолевать, не выросли барьеры, выход за которые требует усилий преодоления. Ее источники – в живой непосредственности и доверительной полноте контактов с окружающим миром. Естественно, что такая креативность угасает по мере освоения ребенком господствующих в культуре стандартов восприятия, мышления и поведения. В этом процессе психика обогащается социокультурным материалом, – “но при этом происходит утрата естественного, наивного, инфантильного творчества. Теперь для творчества нужно активное преодоление сложившихся стереотипов” (В.С. Юркевич, с. 137). Зрелая креативность существенно характеризуется способностью преодолевать стереотипы, а значит предполагает формирование особого комплекса личностных качеств, реализующих эту способность.

Возрастной подход не дробит, не рассекает на части процесс развития креативности, но, напротив, позволяет выявить его внутреннюю, “сквозную” логику, которая складывается именно через реализацию специфически возрастных предпосылок. “Дело, таким образом, состоит не столько во внешних, средовых влияниях на креативность, сколько в собственной динамике ее развития, своего рода имманентном развитии творческих возможностей” (В.С. Юркевич, с. 140).

Центральный пункт и главная трудность в исследовании творчества – его самоцельность как свобода “прорыва” к новому, самодетерминация, влекущая его “дальше и дальше”. То, что в аспекте соотношения творчества и культуры предстает как выход за пределы достигнутого (освоенного), в аспекте анализа деятельности выступает как выход за рамки внешней стимуляции и ситуационной заданности. И в том, и в другом случае – это преодоление внешней детерминации и полагаемых ею границ: деятельность продолжается как самоиницирующаяся, самодвижущаяся, не останавливающаяся на полученных результатах, – что на уровне процесса выражается в его спонтанности. Эта неостановимость, “неудовлетворимость” творческого процесса издавна отмечалась как его характерная особенность. “Если он не удовлетворится этим, какой-то божественный порыв увлечет его еще к большему”, – так описывает Платон творческое состояние. “Божественный порыв”, увлекающий “еще к большему”, – художественно-образная фиксация спонтанности творческого процесса. Современная психология, раскрывающая конкретные механизмы спонтанности, дает научную расшифровку платоновского мыслеобраза.

Спонтанность – не описательная, но сущностная характеристика творческого процесса. Конкретное теоретическое и экспериментальное исследование спонтанности (Д.Б. Богоявленская) вплотную подводит к “тайне” творчества, обнажает его сокровенный нерв, “бьет в точку”. Спонтанность процесса свидетельствует о рождении источника его самодвижения – творческой мотивации: она есть процессуальное выражение (преломление в характере процесса) “инициативы самого субъекта” (Д.Б. Богоявленская, с. 330).

Но что гонит деятельность дальше ситуативной цели? Что позволяет ей вырваться из оков внешней детерминации, выйти в пространство свободного искания и открытия? “Инициатива самого субъекта”, “проявленная активность человека”, да, но где источник этой инициативы, что питает и “запускает” эту активность? Творчество начинается там, где кончается заданность. Но чтобы заданность кончилась, исходная ситуативная мотивация должна трансформироваться в творческую, должна сработать “интенция на творчество”. Вопрос в том, откуда и как она возникает.

Согласно А.А. Мелик-Пашаеву, истинным источником всех творческих проявлений человека является его “высшее Я”, изначально “содержащее всю полноту возможностей, которые в перспективе может раскрыть человек”, ведущая потребность которого и состоит в том, “чтобы актуально, в плане наличной действительности, стать

тем, кем он и только он является в потенциальной глубине своего существа” (с. 351).

Если не признавать трансцендентного происхождения творческой мотивации, обеспечивающей самодвижение деятельности, то остается искать ее источник в закономерностях и механизмах самого процесса деятельности как “непрерывного взаимодействия с реальной действительностью” (А.В. Брушлинский, с. 53). Благодаря этим механизмам (прежде всего “анализу через синтез”) осуществляется прирост внутренних возможностей деятельности, происходит опережающее развитие ее субъективных потенциалов, идущее дальше ситуативно требуемого и в этом смысле “избыточное” по отношению к нему. Творческая мотивация рождается в ходе самой деятельности как психологическая “результатирующая” этой избыточности, трансформация ее в целостно-личностное качество.

Оба подхода (при всем их различии) сходятся в признании сущностной взаимосвязи творчества и личности. Творит тот, для кого его личностная самореализация становится внутренней необходимостью, “нуждой”. Поэтому творческая активность – и самопроизвольная, и вместе с тем глубоко мотивированная; бескорыстно “игровая” и в высшей степени жизненно серьезная.

Собственно, взаимосвязь творчества и личности – лейтмотив книги. Соответственно, в ней отчетливо прослеживается двуединство исследовательских направлений: от личности к творчеству, и от творчества – к личности. С одной стороны – изучение путей формирования и развития таких личностных качеств, которые обеспечивают творческий характер деятельности; с другой – раскрытие роли творческой активности в целостном развитии личности. Разумеется, авторов интересует психологическое выражение исследуемых процессов: какие психические образования “внутри” субъекта реализуют разнообразные формы человеческой активности, и каким образом последние “откладываются в психических образованиях, входят в специфическое содержание ментального, эмоционального и интуитивного опыта человека”.

В статье М.А. Холодной раскрывается “психологическое устройство” интеллектуальной одаренности в ее зрелых формах компетентности, таланта и мудрости. Согласно автору, общей психологической основой интеллектуальных достижений является индивидуальный ментальный опыт, а различное соотношение его структурных уровней определяет своеобразие названных форм: компетентность в большей степени обусловлена когнитивным опытом, мудрость – метакогнитивным, талант – интенциональным. Приведенный в статье исследовательский материал выявляет ряд существенных закономерностей

развития интеллектуальной одаренности. Во-первых, рост интеграции психических образований и процессов: чем выше уровни одаренности, тем более многомерными и синтезированными являются ее психологические носители, тем больше разнообразных компонентов из сознательных и бессознательных слоев психики втягивают они в себя: в основе творческих интеллектуальных достижений – “интеграция различных “психических содержаний” в виде знаний, верований, эмоциональных впечатлений, особых состояний сознания и т.д.” (М.А. Холодная, с. 302). Мудрость – “синтезированный интеллект”. Во-вторых, с повышением творческого уровня интеллектуальной одаренности ее психологические механизмы становятся все более индивидуализированными. “В условиях сверхординарного творческого интеллекта” место общих когнитивных факторов занимают “индивидуализированные, уникальные когнитивные механизмы” (с. 302).

И, наконец, интеллектуальная творческая одаренность существенно характеризуется специфической диалектикой внутреннего–внешнего, субъективности–объективности. Чем богаче человек внутренне – тем более он открыт внешнему миру. Важнейшим критерием интеллектуальной одаренности является соответствие ментальных репрезентаций и объективных требований ситуации. “Суть интеллектуального творчества заключается в единстве двух, казалось бы взаимоисключающих состояний ментального опыта субъекта: его максимальной индивидуализации и одновременно же максимальной объективации” (с. 308).

Указанные закономерности характеризуют не только интеллектуальную одаренность, но и творчество вообще. Развитие творческого потенциала личности результируется в ее неповторимой индивидуальности. В творчестве человек в наибольшей мере “у себя” (Р. Вагнер определяет творчество как “радость быть самим собой”) – и вместе с тем в наибольшей мере открыт миру как “инструмент”, настраивающийся на неисчерпаемое многообразие его голосов и ритмов.

Интенциональные компоненты ментального опыта, образующие основу ценностно-мотивационной сферы личности, были экспериментально выявлены и исследованы в рамках метода “креативное поле” (Д.Б. Богоявленская). Этот метод прослеживает возникновение творческого мотива как результата циклично-личностной активности, интегрирующей в себе ее познавательный, эмоциональный, духовный опыт.

Исследование психологической основы творчества необходимо включает в себя изучение такого ее компонента, как интуитивный опыт. Проблема “интуитивного полюса” мышления и его связи с творчеством разрабатывалась в отечест-

венной психологии Я.А. Пономаревым, чья концепция изложена в статье Д.М. Ушакова. Интуитивный опыт в качестве одного из механизмов, способных “привносить в мышление новые элементы”, вступает в действие, когда готовых логических способов оказывается недостаточно и требуется подсказка из бессознательных слоев психики. Найденное на интуитивном уровне решение затем логически обрабатывается: “Субъект карабкается по уровням” (Я.А. Пономарев). Интуитивное познание – своего рода бессознательный аналог творчески продуктивного мышления: оно тоже является побочным продуктом ситуативно заданной деятельности, не связано с ее прямой целью (формируется “около”) и участвует в порождении той ее “избыточности” (накоплении внутренних ресурсов), которая получает выражение в спонтанности процесса.

Вернемся к началу. “Четкий социальный запрос на воспитание творческой, мыслящей, свободной личности стимулирует – и в науке и в практике – поиск путей и способов решения этой задачи” (А. Стеценко, с. 315). Данная книга – живой ответ на этот запрос: в ней как раз и предлагаются “пути и способы решения этой задачи”. Следует подчеркнуть, что представленные в книге исследования осуществлены в русле гуманистических и демократических традиций культуры. Эти ценностные ориентации включены в конкретную ткань теоретических и экспериментальных исследований и особенно явно обнаруживают себя в практической педагогике, в разработках конкретных программ обучения и воспитания (статьи К.-И. Клюге, Р. Стернберга и Е. Григоренко, Дж.С. Рензулли и С.М. Рис, К.А. Хеллер, В.Н. Дружинина, Ю.Д. Бабаевой и др.). Исследование творчества и одаренности в аспекте их преломления в личностной позиции свидетельствует о том, что сегодня востребован новый, более высокий уровень самопознания и самосознания человека, соответствующий уровню его исторической ответственности.

Поэтому значение книги не исчерпывается ее собственно научным содержанием, основательность и серьезность которого бесспорны. Ее можно рассматривать и как своего рода “документ эпохи”, манифестацию ее самосознания. В разные времена в центре внимания оказывались разные стороны человеческого творчества. В наше время небывалое значение приобретает его духовно-нравственное измерение: аспект ответственности, “поступка” (В.Д. Шадриков, с. 37). Люди могут слишком многое, и дисбаланс между их технологическими возможностями и духовными ресурсами катастрофичен. Возрастающий интерес к ценностно-мотивационному плану творчества, отчетливо представленный в книге, позволяет сделать вывод о становлении широкой исследовательской стратегии, ставящей во главу

угла духовно-нравственную состоятельность человека-творца. “Духовность и творчество” – это словосочетание является ключом к раскрытию смысла этих двух понятий. Эта проблема – научная эстафета в XXI век” (Д.Б. Богоявленская, с. 23).

В плане дальнейшей разработки проблем творчества и одаренности в названном ключе позволю себе высказать ряд пожеланий.

Прежде всего, исследование в указанном направлении требует более пристального внимания к категории смысла, понимаемого не как внутриситуативная значимость, а как выражение ценностной стратегии жизни, причастности к ее “духовной вертикали”. Смысл, это – зачем? ради чего? во имя чего? Духовная жизнь начинается с потребности в смысле, в смысловой оправданности жизни через соотнесение ее с высшими ценностями. Духовность и есть особая восприимчивость к “смысловой энергии” бытия, проявляющаяся в состояниях напряженной устремленности, вопрошания, “жажды” (“Духовной жаждою томим...”). Поэтому подлинная творческая самореализация личности – это не только сверхординарное развитие определенных способностей, но и обретение (никогда не завершимое) смысловой перспективы жизни. Психологическим носителем духовных устремлений являются, возможно, интенциональные компоненты ментального опыта. Например, “интеллектуальные интенции” как специфические состояния тонкой душевной настроенности, позволяющей воспринять “знак судьбы”, услышать “зов” (М.А. Холодная, с. 312).

Далее, трактовка творчества как самореализации личности, общей личностной диспозиции и т.п. имплицитно вводит его в контекст межличностных отношений, диалогического общения. “Есть события, которые принципиально не могут развернуться в плане одного и единого сознания... – и таковы все творчески продуктивные события, новое несущие, единственные и неповторимые” (М.М. Бахтин). Иначе говоря, творческий акт невозможен как монолог: он предполагает “адресата”, т.е. изначально включен в диалог, в котором рождается ответное понимание, переводящее “услышанное” в новый ценностный контекст. “Целью художника является не столько само произведение, сколько возможный отклик на него” (П. Валери). Любой продукт творчества может быть рассмотрен как своего рода “слово”, которое хочет быть услышанным как “весть”, ждущая отклика. Творец всегда в ожидании “встречи” не только с самим собой, но и с теми, кто способен понять и отозваться. Поэтому творчество не сводимо к самоактивности суверенной личности: оно также и высшая форма общения, в котором передаются импульсы духовных исканий, происходит взаимоиндуцирование и взаимонастройка внутренних миров (состояние

“резонанса”). Диалогическая природа творчества – существенный аспект его исследования.

И в заключение хотелось бы обратить внимание на берегающую функцию творчества. Акцент на новизне не должен заслонять другого, не менее существенного момента: любой творческий акт не только что-то начинает, но и продолжает, наследует, возрождает. Он открыт не только в будущее, но и в прошлое, в сокровищницу культурной памяти человечества, черпая из нее и актуализируя то, что созвучно индивидуальности творца. Культурная преемственность – это встреча индивидуальных творческих усилий, взаимно пробуждающих таящиеся в них бесконечные содержательно-смысловые потенции. Поэтому

творчество – это всегда не только праздник первооткрытия, но и “праздник возрождения”: “Поэма не умирает” (П. Валери).

Признание берегающей функции творчества особенно актуально в современном мире. Сегодня чрезмерный упор на сам по себе активизм и “прорыв в новое” вряд ли уместен, ибо таит опасные тенденции разрушительного авантюризма и культурного беспамятства. Активизм и новизна не могут рассматриваться в отрыве от задачи сбережения фундаментальных ценностей общечеловеческой цивилизации.

Г. А. Давыдова,
кандидат философских наук, Москва

ФЕНОМЕН ТОЛПЫ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАКУРСАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Фактор толпы неустраним из социальной жизни в принципе, однако наступают времена, когда он играет в ней ключевую роль, определяя во многом перерывы постепенности исторического существования. Осознание этого факта – важная заслуга социальной психологии и в самые начальные времена ее становления, и сейчас. В наибольшей мере это относится к трудам представителей данной дисциплины, стоявших у самых ее истоков: Н.К. Михайловского в России, В. Вундта в Германии, С. Сигеле в Италии и Дж. Мида в Англии. И конечно же – к произведениям великих французов: Г. Тарда и Г. Лебона.

Вклад последних в разработку проблематики психологии толп в конце XIX века по странной закономерности востребован как раз в конце века XX, что в первую очередь отмечает продолжатель данной традиции, обогащенный всем багажом социально-психологических знаний нашего века, С. Московичи. Он ставит задачу определить XX столетие как “век толп”, хотя таковым его предшественники считали, по словам поэта, “век девятнадцатый, железный”.

Издательство Института психологии РАН осуществило по своей инициативе выпуск в рамках “Библиотеки социальной психологии” серии классических работ по психологии толпы. Это труды давно уже умерших (хотя никогда не исчезающих из поля зрения) значительных авторов, но ранее очень труднодоступных. То, что книги выходят практически одномоментно, особенно важно – читатель получает компедиум знаний по поведению толпы в предельно сложные времена массовых социальных сдвигов, усугубляющихся “фактором миллениума”, т.е. наступления нового тысячелетия.

Не случайно, что первые труды по психологии толпы появились на переломе столетий; следует

также напомнить, что многие историки прошлого и настоящего небезосновательно замечают: такого рода “круглые даты” часто беременны “острыми углами” ... Перемены кажутся в такие времена неизбежными, но это “невиданные перемены, неслыханные мятежи”...

Знать законы поведения толпы – значит, многое предвидеть, поэтому рассматриваемая серия книг важна не только в чисто академическом плане. Итак, изданы следующие книги: “Психология толп”, 1998, 416 с.; “Преступная толпа”, 1998, 320 с.; “Революционный невроз”, 1998, 480 с.; при этом будем держать в поле зрения и труды современных авторов, вышедших в серии: С. Московичи. “Век толп”, 2-е изд., 1998, 480 с.; С. Московичи. “Машина, делающая богов”, 1998, 640 с.; М.Л. Рукетт “О знании масс”, 1998, 400 с. (в дальнейшем римской цифрой будет указываться книга, арабской – ее страница).

Первая, можно сказать, основополагающая работа – “Психология толп” Гюстава Лебона (1841–1931); к сожалению, в общем предисловии к книге “Психология толп” вкралась одна из немногих опечаток – год смерти указан 1921 (см. [I, с. 6]). Число работ об этом оригинальном и универсальном ученом и мыслителе к концу XX века увеличивается нарастающими темпами. Почему? На наш взгляд, прав был известный философ и социальный психолог Т. Адорно, писавший, что ярче, доказательнее, полнее истина звучит тогда, когда она высказывается впервые. Вот и Лебон практически первым высказал положение, бывшее истиной и в веке XIX (а он для Франции, да и для Европы в целом начался, по замечанию Г.В. Плеханова, в 1789, а закончился в 1914), и во многом реальной для века XX: “Толпа может быть преступна с точки зрения закона, но не будет таковой с психологической точки зрения” [I, с. 222]. И